

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 34

1987

Сергей ПОДЕЛКОВ

**ЗЕРКАЛО
ВОСПОМИНАНИЙ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 34

Сергей ПОДЕЛКОВ

ЗЕРКАЛО ВОСПОМИНАНИЙ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1987

Сергей ПОДЕЛКОВ

Сергей Александрович Поделков родился 21 сентября 1912 года в деревне Песочне Калужской губернии в семье рабочего. Детские и юношеские годы поэта прошли в Москве, Киеве, в Алтайском крае, в молодости три года жил и работал в печорской тайге. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького.

Трудовая жизнь поэта началась рано, он был сельскохозяйственным рабочим, ткачом, грузчиком, лесорубом, землекопом, журналистом, редактором.

Первые стихи публиковал в фабричной многотиражке, но с 1931 года начал печататься в журналах «Огонек», «Рост», «Красноармеец и краснофлотец», «Красная новь», «Литературная газета», в альманахах «Смотр сил», «Молодость» и др. литературных сборниках.

Первая книга стихов вышла в 1934 году в издательстве «Молодая гвардия». Принят в Союз писателей СССР 5 марта 1935 года.

Во время Великой Отечественной войны сражался на фронте. Был сапером, пулеметчиком, понтонером. После войны вернулся к литературной работе. Им выпущены книги стихов «Поле жизни», «Земное», «Горящие деревья», «Город любви», «Ступени», «Бег огня», «Тревожная страда», «Журавлиная клинопись», «Земная колыбель»; поэмы — «Казнь на Троицкой площади», «Пушкарь», «Строитель», «Власть сердца», «Красный пес», «Киргизская баллада» и ряд других сборников и поэм, в том числе «Избранное» в двух томах.

Сергей Поделков более двадцати лет проработал в Литературном институте им. А. М. Горького. Большинство его учеников стали членами Союза писателей СССР.

Сергей Поделков известен как переводчик фольклора народов СССР. Наиболее крупные работы в этой области — «Марийские народные песни», киргизский эпос «Эр Табылды», мордовское эпическое повествование «Сияжар». Сергей Поделков выступает и как критик, публикует статьи о современной поэзии.

ОЛЬГЕ

Как сладкий сон на рассвете,
как радостная волна,
как в море попутный ветер —
ты мне нужна.

Как озими — солнце в небе,
как соколу — вышина,
как мед цветов, что целебен,—
ты мне нужна.

Как стлань в пути по трясине,
как музыке — тишина,
как ширь языка России —
ты мне нужна.

Как яхонта излученье,
как праздничный звон вина
как вечное вдохновенье —
ты мне нужна.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Брошена в небо
звездная мощь,
елью в огнях
новогодняя ночь,
инеем синим
весь город оброс,
в бубен луны
ударяет мороз,
где-то поэмки
виляют хвосты,

в снежные шубы
одеты кусты.
В море пластинами —
как шифер — вода,
скачут дельфины
и стонут суда.

Двигается ночь —
и петух голосит,
кружится время Земли
на оси.
Хмелем шатает
разряженный дом...
Милая,
мы среди мира вдвоем
между
из космоса рвущихся слов
и литургических колоколов,
между напалмом,
снарядом в стволе
и цикламеном
на нашем столе.

Пиршества жар —
и вращается зал,
множится люстра
в глубинах зеркал,
судороги джаза,
блистание блюд,
в масле сардины
к бутылкам плывут,
над ананасом —
султаном ботва,
дремлет
чешуйчатая голова.
Подняты рюмки —
и дышит вино.
Все в нас друг к другу
обращено,
пали мне на душу
милой черты...
«Красного камня»
пригубила ты.
Брезжится в праздничной
вьющей мгме

скифский узор
на крылатой сереге,
сквозь серпантинное
в шуме витье
тихо мерцает
платье твое.
Только глаза,
ничего не тая,
блещут в ресницах,
как два соловья.
Вот и еще
скоротали мы год —
горе дымится
и радость поет.
Там, где мы были,
олени бегут,
там, где мы плыли,
белуги ревут.
Видели: в зной
дождь хлеба подымал,
белым огнем
осыпался металл.
Труд без оглядки
пиры пировал.

Время
отодвигает засов,
в мире удары
Кремлевских часов.
Звоны!
Бутылки палят.
Канитель.
Плещет шампанского
солнечный хмель.
В патлах мочальных,
в забытых лаптях
тут скоморохи
случились в гостях:
прядает бубен
и грохает медь,
«барыню» пляшет
под елкой медведь.
Свечи горят,
и плечи горят,
губы горят,

а кругом говорят...
И через спутник
опять, как всегда,
пе-ре-кли-ка-ют-ся
города.

В зимнем окне
закачалась луна.
Как нам знакома,
рябая, она —
в звоне гитар,
и в цыганских кострах,
и в поцелуях,
и в соловьях...
Двигается ночь.
Дорогая, взгляни —
издалека
наплывают огни,
перебегают,
как пальцы, лучи...
Музыка неба — Чюрлёнис¹ звучит,
голос природы
мятущийся в нем.
Кажется нам,
что мы вечно живем,
кажется: в мире,
что страшен и мил,
нас еще знали
Гомер и Эсхил;
в давний, старинный
и свадебный час
гусли Бояна
звенели в честь нас;
этот взаимный
и радостный плен
видел младенческим оком
Роден.

Дом замирает.
Тают слова.
Глохнут шаги.

¹ Чюрлёнис М. К. (1875—1911) — великий литовский композитор и художник.

Тишина. Синева.
Солнечный ворох
на снежном стекле.
Снова над нами
заря на земле!

ЗА ТОБОЮ

Походить ли мне по свету за тобою
исподволь,
сторожко,
тише тонкой тени?
Ах, как теплится,
мелькает над тропею
кофта красная
в березняке весеннем!

КРАЖА

Никого на опушке,
лишь кустарников сход,
по дубовой макушке
облак сонно ползет,
травы блеклые сохнут,
паутина, как бязь,
я стою там, где согнут
в три погибели вяз.
Пахнет гниlostью дягиль,
мошкеры толчея,
я таюсь, как на тяге,
с думой цепче репья.
А в листве уйма скважин,
взгляд вставляю, как ключ,
брежу яростной кражей,
час разбойный тягуч.
Яд какой-то боязни,
луч тревоги в крови —
или горести праздник,
или праздник любви!
Ветви — словно пружины,
глазомер — сквозь кусты,
из-за волчьей крушины
появляешься ты...

Хаос листьев на платье,
ситца зыбь, перелив,
нет коленей крылатей —
сокровенный порыв!
Ты — и разум, и тело —
как в огне купина.
Да какое мне дело,
что чужая жена!
Обвиваю руками,
нам трава, что постель,
осыпаю словами —
будто свадебный хмель.
Мир оглох и невнятен,
в головах ходит чад,
слитки солнечных пятен
меж стволами лежат.
Кто рассудит острожий
вечной страсти разбой?
Кража — промысел божий,
если это любовь.

СУДРА

Было ясно, было мудро
в звездах вечера чело,
зачалась свирепо судра,
черт-те знает отчего.
Зачалась — и закутила,
в снег колючий облачась,
знобко, ледяного пыла,
загуляла сила-власть.
Судра, судра, натиск плотен,
снег валится в жизнь села,
шепот стих у подворотен,
вишь, влюбленных развела;
закрываются колодцы,
стелют раннюю постель,
каково гостям придется
пробираться из гостей.
В пору вору. Даль слепая.
Брѣх собачий словно зуд.
Вор и вправду... Конь ступает,
сани ощупью ползут.
Вор куда-то заезжает,

разудала голова,
едет вновь, трясет вожжами,
режет снега кошева.
Что за вздор, мне вор не пара,
разминемся лучше здесь.
Судра, судра, божья кара,
преисподня, звуков смесь.
И при гуде, вое, шипе,
охвативших люто Русь,
в дом крестовый на отшибе,
будто ангел, закачусь.
Сень лампадного уюта,
и на сундуке, чужой,
пригорюнилась Аня
с перепуганной душой.
Все девчонки на вечерке...
Осадил тебя отец,
сердце руганью исчеркал,
выпил водки под конец.
— Хватит бегать... Сладим дело,
завтра сваты будут к нам.—
Кровь твоя окаменела,
тьмой ударил по глазам.
Ты сидишь, не скинув шубы,
у слезливого окна,
перекошенные губы,
дума жжет тебя одна...
Время мчится. Ходит судра.
Спит родня давным-давно.
Может, полночь, может, утро,
а любви — все равно.
Ты чуть-чуть забылась, малость,
взял пес в сенях и смолк.
Неужели показалось?
По стеклу снаружи — щелк!
Потянулась сладко кошка.
Ты взметнулась — взгляд в упор.
Вот он, вот глядит в окошко,
Черт возьми, тот самый вор!
Протирает рукавицей...
Как рукой — с тебя печаль.
Свет лампадный гасишь спицей
и повязываешь шаль.
Дерзновенная минута.
Вор, как видится, не глуп.

Ты усажена, Анюта,
и завернута в тулуп.
Вьется судра. В толще мрака
нет ни неба, ни земли.
И скулит, скулит собака,
что хозяйку увезли.

ЗОВ

Все мысли о тебе,
тобой живу,
хожу и о тебе
ловлю молву,
в горячих сновидениях
зову
и ожидаю встречи
наяву.

Звереет время!
В прорве бытия
мой голос
наподобье остря;
дыханье песен —
это жизнь моя,
я в этой жизни
сам себе —
судья.

Я говорю:
в ней нет твоих забот,
и рук,
и губ,
и глаз недостает.
Рябит мечта...
О, если б от невзгод,
из сна,
из грезы
к яви поворот...

А ложь гуляет,
ложь —
сатанаил!
Нет обрати,
нет для нее удил...
Сквозь время лжесвидетельств,

что есть сил,
как сквозь спицрутену
я проходил.

И душу мне когтили
плутовски —
то выдумки,
то беглые слушки.
Кому-то на руку...
Есть мастаки
на судьбах ставить
крест беды, тоски...

Все ж брезжатся мне
перемен броски,
благословение
твоей руки.
И мнится:
снова
лиху вопреки
жизнь
с красной
начинается строки!

Взломай же льды
навязанной нужды,
тебя я жду,
как ждут тепла сады,
как зерна злаков
жаждут борозды,
как иссякающий родник —
воды.

Моей строки
серебряную грань,
моей души чекан
прими, как дань;
приди ко мне,
приди — и в сердце глянь,
приди и обними —
и песней стань!

Лжи зерна
перемелем...
Вспыхнет ясь,

в ней мысль вольна,
как под волною язь.
Приди,
ни мглы,
ни света не боясь,
и раздели —
и жизнь,
и хлеб,
и страсть.

ГЕРБ ГОРОДА ВЛАДИМИРА

Вл. Солоухину

В красном поле
лев на задних лапах,
желтый зверь с улыбкой на губах,
корпус мощи в теневых накрапах, —
как восстанье мысли, —
на дыбах!

Головы
спокойное величье
и в глазах лукавства доброты,
львино-мужиковское обличье,
кольцами
струится борода.

Он не порешен огнем,
отравой,
не един был варваров наезд,
держит лев
в передней лапе правой
длинный-длинный
серебристый крест.

Крест —
как мысль,
как меч,
как щит,
как посох,
и благословенье, и печаль.
Помнит зверь:
на князьминских откосах

гик ордынцев,
рубку — сталь о сталь.

Помнит зверь
кольчужные оплечья,
он на стяге —
был всегда вблизи,
он,
возникший далеко-далече,
в заревое время на Руси.

Веси гибли,
и пожары висли,
город звал набатом правоты,
и, одною связанными мыслью,
рати шли,
как по реке плоты.

Герб Владимира
тому свидетель,
образ смердов не приявших плен.
И на поворотах
всех столетий,
на зигзагах царств и перемен,
тихо
в будущее из бывшего
переходит зверь издалика...
В красном свете —
битвы,
гулы,
зовы,

Русь,
Россия,
свет и божье слово, —
и перекликаются века.

ГЕРБ ГОРОДА ОЛОНЦА

Памяти А. Прокофьева

На Олонце, на Олонце
шепот, горечь пепельных осин,
елочка стоит, как веретенце,
и прядет, наматывая синь.

Лес вдали иззубрен,
будто гребень,
и рассыпчатые облака
твой шелонник в бесконечном небе
мыкает об острые верха.

Луг предместный
резкой стежкой вспорот,
чуют кони давнее жильё,
мы въезжаем в деревянный город
сквозь воспоминание мое.

Сердцем, сердцем,
друг ты мой, сподвижник,
видели мы, как благую цель, —
над неудержимой русской жизнью
русский символ северных земель:

резче окрика и звонче слова
в небосводе золотом крепка
выходящего из грозового
облака с немим щитом рука;
а под нею — ядра,

их четыре
на цепях скрещенных...
И взрывна
сопредельность в мире,
зябко в мире,
шевелиющаяся тишина.

Ах, Олония, лесное диво.
Реки вскрыты.
Рыбакам — хвала!
Жизнь работает неуследимо —
и побежкой, и спрохвала.

В заводах жирует жирный жерех.
Бредень кинь в стрельчатое добро,
вырывай из пасти вод на берег
скользкое живое серебро.

На Ояти наигрыш гармонии,
стон свирели,
птичий плеск в бору;

про товарища поют в Кабоне,
одинокое тоненькая Тоня
по тебе жалкует на юру.

Все как прежде:
юный смех каникул,
ход природы — он неистребим,
сладко видеть жизнь — хотя б толику, —
слезно капнувшую куманику,
падающий ястребиный дым.

Все как прежде:
вьется повилика,
твой шелонник прядает, как тать.
Только горя, горя не размыкать,
пасмы жизни впредь не размотать.

ОХОТА НА ЛИСИЦУ

Обложен перелесок черно-пегий,
шнур — горизонтом и следов стежки...
Еще вчера исхлопотался егерь,
развешивая пестрые флажки.
Пылает столп над солнцем восходящим,
снег алюминием синее, чист,
и отсвет розовый ползет по чащам.
Стрелки расставлены —

и взвился свист
Смертельный гон. И шум, и переклики,
удары палок о стволы звучат,
деревьев дымны заспанные лики...

— Гони, гони! — окладчики кричат.
— На первый номер правьте!
— К лазу ближе!

Сорочий дробный стрекот, шелест сов
перелетающих. Скрипучи лыжи.
Лисица шла сторожко меж кустов.
Лисица шла, возникшая, как пламя,
под гомон, угрожавший все лютей,
косясь, тайком пласталась под ветвями,
в пороше тепла, скрадывалась в ней.
Лисица шла изогнуто — и резко
враз замирала, будто брал недуг;
опасно пахли на шнуре развески,

ноздрями втягивала смертный дух.
Но странный шорох... Чей?
И страх — затором...
Оторопела, вскинув черный нос,
глаза — в глаза охотника, который
в окончатом просвете двух берез.
Лисица — в лаз,
и за флажки — к порубке,
и обернулась, и прощальный взгляд.
А он стоял в нагольном полушубке,
держа на валенке ружья приклад.
А егеря снег взрывал неумоимо,
спешил.
— Товарищ Ленин... Тут лиса...
Вы видели? Она прошла же мимо.
Ах, рыжая! Вот хода полоса.—
Непониманье егеря томило,
Ильич заулыбался:
— Красота!
Мы даже с ней перемигнулись мило,
Как заговорщики. Здесь, у куста.
Как вырывалась из силка невзгоды!
Счастливая охота, что ж тужить...
Зверь сказочный. Гармония природы.
Пускай живет, живое хочет жить.

СВЕТ ЛЕВИТАНА

Свет Левитана — не фата-моргана
и не наплыв сумятицы во сне, —
горящие деревья видно мне,
живой огонь, ломающий неожиданно
оковы рамы на глухой стене.
Как тесно пламени на полотне!
Слежу за тайнописью неустанно:
то красок русских трепет в тишине —
свет Левитана.
Возникший в жизни — с жизнью наравне;
в нем я угадываю постоянно —
и синюю печаль в речной волне,
и сердца красный след в траве кургана.
О мудрость осени, печаль в огне —
свет Левитана!

БЕЛЫЙ КРЕЧЕТ

Памяти В. Луговского

Что это?
Память — огонь по нервам.
Было, кажется, в тридцать первом...
Август, полный медового зноя,
в Коломенском,
над рекою Москвою.
Здесь былинную — вдвоем с тобой мы —
песнь старинную поем над поймой.
В ней —
и клекот птиц, и ржанья эхо,
соколиная ходит потеха.
Нам со взгорья видать камыш и стрежень,
суматоху на левобережье,
там всплески крыльев
и посвист резкий,
кони пронизывают перелески;
пестрые всадники,
конские лики,
на рукавицах сидят чилиги;
в шапке парчовой,
в красном кафтане
рыжий сокольник на поляне,
желтый сапог продет им в стремя,
облаком течет над шапкой время...
А мы поем себе:
«Белый кре-ечет...»
Он под солнцем крыльями блещет,
сердце зашло в синеве высокой.
«Ой да пал на сыру землю со-окол...»

Память в ознобе... Да что ж такое?
Льдиной шатнулась земля под ногою,
миг — и ты оторвался от дела
и тишина тобой овладела.
Время распалось,
сгасли светила,
все отошло и отговорило,
дикие травы отзеленели,
тосты заздравные отзвенели,
поезда и станции отмелькали,

карты цыганские отолгали,
море отгрохотало,
сердце отхлопотало,
ласточки отсновали,
красавицы отцеловали.

Гроб —
а за гробом трубы оркестра,
гром —
а за громом черная песня,
кони,

задыхаясь,
ржут от тревоги,
в рулоны свертываются дороги,
деревья шумят на своем наречье,
плачут собаки по-человечьи,
и на зов похоронной меди
с гор Памира спешат медведи...
Я стою среди скорбной природы,
просто волосый,
слышу сквозь годы
песнь, закатившуюся далече:
«На сыру землю па-а-ал белый кречет...»
Жил ты в мире не праздноголосым,
стих твой, подобно пилам и косам,
от напряженья звенел на работе,
саблей сверкал в курсантской роте...

Знать, потому и тебя живого
людям напоминает снова
твое пережатое слово,
твое перелетное слово.

* *
*

Роми, милая моя,
жизнь — суровый репетитор,
в ней — и песня соловья,
и манок обмана слиты.
И в пути не каждый шест
служит вехой, чтоб не сбиться,
и приветствующий жест
может полоснуть, как вица.
Откровенно говорю,

я попал под власть приметы,
как слепой к поводырю,—
дескать, люди как монеты.
Бытие чеканит их —
и достоинство, и души,
я люблю их, золотых,
хлебосольных и радушных.
В них — России дух кипуч,
если праздник — хмеля в ком нет?
Если мысль — то плазмы луч,
если бой — себя не помнят.
Но, бывает, иногда
с беззастенчивой сноровкой
наш великий герб труда
избирают маскировкой.
Остро всмотришься — и вдруг
возникают, как из басен,
лик вельможи, спины слуг,
профиль хама на Парнасе.
И хотя блистает мир,—
вдовы плачут в скорбном зале.
И, бывает, дезертир
говорит: «И мы стреляли».
Трус, вернувшись к очагу
разминированным следом,
душу сдавший в плен врагу,
тоже празднует победу.
Что ж, в годину злой беды,
нападающей хворобы,
сплав копеечной судьбы
не выдерживает пробы.
Чтоб чеканку различить
и не путать медь со золотом,
право, в жизни стоит быть
хоть отчасти нумизматом.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

Я возвратился к самому себе,
и чудится: крыльцо с навесом низким,
и дым отечества в печной трубе
блаженно пахнет хлебом материнским;
сыпь ржавчины осела на скобе,
вздых, затаенное движенье двери...

И я стою, своим глазам не верю —
я возвратился к самому себе.

А в бездне памяти — таежный страх,
и теплятся зрочки на трассе хлипкой,
и торжествуют, домогаясь благ,
лжецы с демократической улыбкой.
И вот — благодарение судьбе! —
оболганный, отторгнутый когда-то,
держу и плуг, и автомат солдата —
я возвратился к самому себе.

В лесу деревья узнают меня,
тут земляника на прогретом склонце
выглядывает из травы, маня,
налитая целебной плазмой солнца;
в полях дивлюсь пчелиной ворожке,
конь дружелюбно ржет на изволокe,
вновь меж людьми и мною биотоки —
я возвратился к самому себе.

Все, все во мне органно, как в борьбе,
расковано, как в пору ледохода,
и слово плодоносит, как свобода, —
я возвратился к самому себе.

* *
*

Испытываю силу ножевую
всей сущностью своей,
и сердцу страшно;
раб времени,
во времени живу я,
дни плотны,
как пласты на пашне.

Навет — и след:
слова, как шершни, жалят.
Решетка лжи..
Мне дел бы непочатых!
О, время, время,
на твоих скрижалях
так много клякс и опечаток.

ВЛАСТЬ СЕРДЦА

I

Сердце —
это сто тысяч ударов в сутки,
сто тысяч движений жизни.
И с той поры,
как себя я помню,
оно толкает меня непрестанно
на самые необычайные поступки,
на жестокость,
на доброту
и на самоотречение,
на убийство
и на воскрешение мертвых.
И мне сладко и спокойно
оттого, что живу, и дышу, и слышу —
как друг другу откликаются люди.
И я говорю себе:
жизнь — это власть сердца.

II

И я погружаюсь в память,
вхожу в нее, как в зеркало входят,
и отражаюсь,
как отражается эхо
на заре
от безоблачного неба.
И сразу, в одно мгновенье,
в степи вырастает колок,
и надо мною листвеют березы,
обрызганные полднем солнцем.
Степь кругла
и уже кое-где острижена сенокосилкой.
Пахнет сеном.
Кукует кукушка.
Над зазубренным горизонтом
возникает внезапно
бегущая гроза, сверкая зрчками,
и весь её расстрепанный вид
представляется мне безумным,

она кажется простоволосой.
И я вижу, как впереди нее,
стибаясь,
бежит испуганная трава,
бежит —
и убежать не может.

Какая сила, какая воля
меня выбрасывает из-под телеги?
И откуда что берется?
Долина,
отороченная льющейся речкой,
зашевелилась,
заполнилась голосами,
загремели ребристые конные грабли,
замелькали вилы...

Мы, люди, вершили два стога,
очесывая и придавливая их жердями.
Дождь!
Дождь!
Дождь!
Разгоряченные, в каплях грозы и пота,
довольные, вжавшись в сенные норы,
мы легли по краям остожья.
Поодаль,
в середине бегущего ливня,
на убранной луговине,
повернувшись задом к бичующим струям,
понуру встал саврасый мерин.
Я улыбаюсь.
Расслабленные мышцы блаженно ноют.
Надо мною высится стог.
И я говорю себе:
труд — это власть сердца.

III

Помню — не соловьиною песню,
помню — не лукавую игру в горелки,
не головокружительные поцелуи
на Львином утесе над бешеным морем.
Помню —
утомленное ложью собрание,

одеревеневшие лица
с запечатанными ртами
и рыжего человечка в синей косоворотке,
бледного от злорадства.
Руки друзей расслабленно поднимались
на тончайших
потаенных нитях страха,
а глаза опускались,
упираясь
в спинки впереди стоящих стульев...

И когда меня не стало,
знаю,
сердце твое ворвалось в кабинет
рыжего человечка в синей косоворотке.
— Где он? Что с ним? —
отчаянно ты спросила.
Упоенный властью,
расстрелянный позже,
рыжий человечек в синей косоворотке
закурил и ухмыльнулся:
— Где он?
Штопает белым медведям чулки! —
Сердце напрягло гнев твой,

сердце расширяло зрачки
до протуберанцев,
сердце распоряжалось мыслью.
И на каждое суесловье ты отвечала:
— Не верю! —
И каждый иезуитский намек отрубала:
— Ложь!
— А кто вы такая? —
Ослабился будущий рыжий покойник.
— Любовь!
— О, да вы — декабристка!
Но теперь не в цене декабристки.
А вы знаете, кого полюбили?
Берегите свою участь, гражданка,
советую вам подписать отречение...

Да разве забудется,
если
нет-нет да и приснится порою
край унижения и печали,

край отчуждения
и забвенья,
оцепленный проволокой колючей
и обнесенный
беспросветными днями.
Край, где сердце требовало
и твердило:
жить-жить! жить-жить!
И руки,
которые хотели обнимать твое тело,
брали лом
и ломали мерзлую землю,
и руки,
которые владели пером,
воскрешающим бытие,
брали пилу и валили деревья
в обмен на кусок прогоржлого хлеба.
И все потому, что сердце велело,
и все потому, чтоб тебя я увидел,
заплаканную и тревожную,
когда
с восклицательным знаком штыка
часовой от ворот отшатнулся
и ему кивнул надзиратель.
— Говорят, невиновен.
Жалко.
Хороший работник уходит на волю.

И что мне до сути черной фразы,
если ты, милая, снова передо мною,
и нет между нами
каторжного пространства;
оно,
сокращенное до оплаканного объята,
как преодоленное страданье,
как печаль, переходящая в радость,
оплаченные жестоко — юностью.
Что ж, юность не возвращается,
но повторяется
до неузнаваемости, быть может...
И я вижу сына на Львином утесе,
широкоплечего,
над бешеным морем,
обнявшего худенькие плечи подруги.
И я думаю:

юность — это бессмертие,
бесконечное, как пламя солнца.
И я говорю себе:
любовь — это власть сердца.

IV

Как я люблю
осенние маневры природы,
передвижение птиц в зеленом небе,
перемену цветового настроения леса
и глубину
его таинственного покоя!
Иду не спеша
по жилистой,
узловатой тропинке.
Над узкой просекой промелькнули,
как два черта,
играющие ронжи,
где-то свистнул осторожный рябчик.
На увядших полянах
тихо лежат рябые тени
и остатки солнца.
Иду, и что-то томит мою душу,
какой-то далекий случай,
мигающий в мареве отошедшего времени.
И моя мысль
уже оторваться не может
от осеннего дня сорок первого года.

Я,
связной саперного батальона,
шел через лес,
возвращался в село Веретье,
где мы ладили рубеж обороны...
Между ветвей висело застрявшее солнце,
а дорога оттягивалась, как тетива,
огибая болото.
Но я двинулся по шатким кладкам
через трясину,
где росли на пружинистых кочках
царевы очи.
Я выбрался на другой берег,
радуясь,

что путь сократился наполовину,
уставший, сел отдохнуть и переобуться
под старой осиной.
И задремал, как в детстве,
и тотчас очнулся —
то ли от листка, упавшего на лицо,
то ли...

Я притаился за деревом,
я слился с ним,
как мои предки с природой России,
серая шинель схожа по цвету
с горькой корой осины.
По краю поляны
ступал старик в гимнастерке,
подпоясанный бечевкой, он нес корзинку...
— Дедушка, нет ли махорки?
Курить охота.—
Я выдвинулся из-за ствола осины,
держа наперевес винтовку.
Он на какую-то долю секунды
как бы остановился,
и ничего не ответил,
и, глядя на землю,
стал проходить мимо...
— Стой! — закричал я,
забегая вперед и направляя дуло винтовки...
Он замычал.
Глухонемой!
И мне стало неловко.
Я подошел ближе,
Совсем близко.
Виноватый и дружелюбный.
Корзинка наполнена до краев грибами,
корни подрезаны аккуратно, и...

Я ударил старика кулаком в подбородок...

Спасибо вам, Константин Градополов,
за выучку в клубе фабрики «Ливерс»,
и, хотя из меня боксера не получилось,
все ж я запомнил, как посылать в нокадаун.
Он зашатался, ошеломленный,
я сбил его с ног прикладом,

бечевкой скрутил за спиною руки
и обыскал.
Нож в чехле. Пистолет в кармане.
Наш пистолет — ТТ.

Я огляделся.
Валялась корзинка.
Грибы врассыпную.
Я поднял
треснувший купол бледной поганки.
Это она, выглядывая из корзинки,
мне намекнула,
что русский человек никогда
не собирал поганок.
Я сел на пенек,
чтобы дожждаться,
когда очухается светлородая сволочь,
ему было лет тридцать, не больше.
Я обмер.
Страх меня обдал ознобом,
стиснул,
и в груди заныло.
Черный крест самолета!
Черная свастика гудела в небе —
и три парашютиста повисли над поляной...
А сердце исподволь уже диктовало:
пленнику ноги связать ремнем
и кинуться...
Они снижались.
Я выбрал высокий пень для опоры —
и выстрелил.
И тело ближнего немца
на стропах
вытянулось слегка.
Я понял — не промахнулся.

Второй зацепился
за макушку высокой плакучей березы,
повис
и пытался освободиться,
хватаясь за ветви.
Я ради него два патрона истратил —
и он остался висеть спокойно.
А третий...
Он приземлился

и вполз в бочажок у опушки.
Я послал ему три горячих пули.
Он автоматной очередью ответил.
Я выжидал. Сторожил.
Следил.
И услышал:
— Что вы тут делаете, боец?
— Сражаюсь, товарищ комроты! —
Я узнал командира из соседней части,
он иногда навещался к нам, саперам,
впрочем, не далее как вчера
я его обыграл четырежды в шашки.
Рядом с ним стояли солдаты,
и старшина держал на сворке седого пса,
из пасти которого толчками
вырывалось пламя.

Третьего мы обложили.
Он не хотел сдаваться —
и утонул в болоте.
А бородатый грибник на допросе
всю ночь разговаривал по-немецки.
На рассвете тяжелая весть хлестнула:
древний гордый Великий Новгород сдан...
Мы отступали...

Двадцать лет спустя
я иду по осеннему лесу,
по жилистой, узловатой тропинке,
светит солнце, играют ронжи.
А где-то в сознание,
как в глубине России,
движутся залпом сполóхи,
мчатся танки и плачут дети...
И я говорю себе:
бой с врагом — это власть сердца.

V

Когда раздается зов фанфары,
сердце заходится,
как перед сраженьем,
и мысли летят,
как магнитные депеши,
и слова приходят в движенье.

И я вижу —
распадается время,
и древняя Нева дышит;
по смоляным волнам
вдоль парадной линии
парусных кораблей
пролетает ботик
на деревянных крыльях весел
с маленьким
трепещущим треугольником паруса,
и под ним Петр Великий
в мундире потешного преображенца,
широко расставив ноги,
машет палкой российской морской армаде,
и ему салютуют из амбразур
медногорлые пушки.
И я вижу четыре стучащих копыта
и командарма Фрунзе,
вынимающего из стремени ногу.
Вот он в глинобитной украинской хате
отдает приказанье в телефонную трубку,
и красноармейцы,
стоящие на морозе,
в ледяной и гнилой воде Сиваша,
держат на вытянутых руках
телефонный провод,
где бегут слова командарма.
И бойцы в лаптях, в разбитых ботинках
врываются в Крым,
а впереди них —
улыбающаяся победа —
маленькая конёнковская Нике.

Когда раздается голос скрипки,
я вижу резонансовую ель
в марийских лесах над Волгой,
и благородный явор в горах Карпатских,
и взлохмаченного,
самозабвенного,
как токующий глухарь, Паганини.
И божественные пальцы скрипачей,
как солнечные лучи,
пробегающие по струнам.
И мерцающие звуки
«Баркаролы» Чайковского,

и смеющиеся глаза Владимира Ильича,
аплодирующего
и кричащего: — Бис! Бис!

Когда раздается звон колокола,
розы текут,
розы над Лидице и Пискаревым полем,
розы текут и уходят в завязь,
и вечный огонь угасает,
и взорванные дома
раскрывают окна с треском,
и плещутся занавески,
и дети выбегают из подъездов,
и на зеленом лугу в лапту играют,
и мяч взлетает высоко, высоко —
до самого солнца,
и матери улыбаются так же,
как они улыбались до смерти,
и доносится сквозь ледяной застенок
смех генерала Карбышева,
и сквозь пепел Хатыни —
любовная девичья песнь...

Спасибо слову,
в котором, как в линзе,—
мир настоящего,
мир будущего,
мир отошедшего,
бесконечно великая Вселенная
в туманностях и звездах
и непостижимая Вселенная
души человеческой.
Я закрываю глаза.
Сердце стучит:
жить-жить, жить-жить.
И я говорю себе:
поэзия — это власть сердца.

СОДЕРЖАНИЕ

Ольге	3
Новогодняя ночь	3
За тобою	7
Кража	7
Судра	8
Зов	10
Герб города Владимира	12
Герб города Олонца	13
Охота на лисицу	15
Свет Левитана	16
Белый кречет	17
«Роми, милая моя...»	18
После съезда	19
«Испытываю силу ножевую...»	20
Власть сердца	21

Сергей Александрович ПОДЕЛКОВ

ЗЕРКАЛО ВОСПОМИНАНИЙ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 08.06.87. Подписано к печати 04.08.87. А 00410. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,69. Усл. кр.-отг. 1,58. Тираж 80000 экз. Изд. № 2099. Заказ № 802. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЭКОНОМЬТЕ СВОЕ ВРЕМЯ!

● Вы часто посещаете сберегательную кассу для уплаты за квартиру, коммунальные и другие услуги, что требует значительных затрат времени.

● Этого можно избежать, если Вы воспользуетесь безналичными расчетами через сберегательные кассы. По Вашему заявлению сберегательная касса своевременно перечислит со счета по вкладу нужную сумму любой организации — получателю платежа.

● Безналичные расчеты через сберегательные кассы осуществляются как в разовом порядке, так и длительное время.

● Поручение о безналичных расчетах вкладчик может дать сберегательной кассе лично либо прислать по почте. Необходимые бланки для оформления таких поручений имеются в любой сберегательной кассе.

● При посещении вкладчиком сберегательной кассы все перечисленные с его счета суммы будут записаны в сберегательную книжку.

● Пользуйтесь безналичными расчетами через сберегательные кассы! Они экономят Ваше личное время!

**Российское республиканское Главное управление
Гострудсберкасс СССР**